

Вэй Цин не знал, когда уснул, и не ведал, когда ушёл Линь Юй.

Он не мог отличить явь от сна. Казалось, он снова вернулся на несколько дней назад, когда каждое утро, просыпаясь, видел прекрасное спящее лицо Ляня.

— Лянь...

Он протянул палец и тихонько ткнул Ляня в белоснежную щёку. Во сне всё казалось таким настоящим.

Лянь проснулся от его прикосновений, нахмурился и, спасаясь от приставаний, уткнулся головой ему в грудь:

— Дай мне ещё немного поспать, я же проспал всего два часа...

Вэй Цин похлопал глазами, внезапно почувствовав, что сон чересчур уж реалистичен:

— Разве я не сплю?

— Не знаю, спишь ты или нет, но дай мне погрузиться в царство грёз, — донёсся смутный голос Ляня, уткнувшегося ему в грудь.

И правда... не сон...

У Вэй Цина было множество вопросов. Он хотел спросить, почему Лянь вернулся, хотел узнать, что произошло между ним и Лань Фэем... Но сейчас оставалось лишь дожидаться, пока тот выспится.

Он осторожно лёг обратно, и тепло в его объятиях принесло ему глубокий покой.

Однако, когда они оба проснулись, у Вэй Цина так и не появилось возможности расспросить Ляня: Чжан Юньлун вытащил их и устроил суровый выговор, приказав работать сверхурочно вечером, чтобы нагнать упущенное время.

К счастью, сегодня они оба были в прекрасной форме, почти не допускали бракованных дублей и снимались так гладко, что закончили съёмки уже около восьми вечера.

Молодёжь из съёмочной группы наперебой жаловалась, прямо называя Чжан Юньлуна дьяволом.

— Простите меня, всё из-за моей своенравности, я всех подвёл, — виновато сказал Лянь.

Все на мгновение опешили от его извинений.

В конце концов Лянь Лин заговорила первая:

— У каждого есть право на личную жизнь, мы не можем тебя винить. Но в следующий раз, пожалуйста, больше так не делай.

— Вот именно, пока вас не было, мы на самом деле отдыхали. Господин Лянь, вам не стоит так себя корить.

— Спасибо вам, — Лянь с улыбкой поклонился присутствующим, после чего попрощался со всеми и ушёл к себе в комнату.

— Мне кажется, господин Лянь, вернувшись в этот раз, стал гораздо мягче, — задумчиво произнесла Цзи Чжиань, глядя ему вслед. Хотя она и раньше знала, что с Лянем приятно общаться, лицо его всегда оставалось холодным. Но теперь казалось, что он стал улыбаться гораздо чаще.

— Должно быть, разобрался с какими-то внутренними сомнениями, — с улыбкой погладила Цзи Чжиань по голове Лянь Лин.

— Почему ты вернулся? — спросил Вэй Цин.

— Конечно же, я должен был вернуться, работа ведь ещё не окончена.

— Ты знаешь, я спрашивал не об этом. Я имею в виду тебя и его...

Лянь перебил его, не дав договорить:

— Я же говорил, это была лишь... юношеская надежда.

— Я не понимаю.

Лянь с улыбкой щипнул Вэй Цина за щёку:

— Двум любящим людям вовсе не обязательно быть вместе. У нас у каждого своя жизнь, мы ушли слишком далеко друг от друга. Достаточно знать, что мы всё ещё любим друг друга, и этого хватит. Родственные чувства и дружба могут перерасти в любовь, а любовь — обратиться родственными узами или дружбой. Когда-нибудь, когда у господина Вэй Цина появится любимый человек, возможно, он это поймёт.

— Но ведь уже... есть... — глядя на Ляня, пробормотал Вэй Цин.

— Что ты сказал? — не расслышал Лянь.

— Ничего, — усмехнулся Вэй Цин, и Ляню вдруг показалось, что у его улыбки сегодня какой-то лукавый вид.

Мин Ань говорит: жизнь слишком сложна, но любовь может быть очень простой.

Чжоу Пинь говорит: я люблю тебя, и это единственное, в чём я уверен.

Как бы ни была тяжела жизнь, как бы ни был туманен путь впереди, чётко видна лишь наша любовь.

Как прекрасна ночь! Звёздный свет озаряет землю, но не может проникнуть в глаза двоих, обнимающихся в лесу, ведь в их глазах отражаются лишь они сами, и ничему другому там больше нет места.

Смотря на игру этих двоих, Гу Цичжэ невольно почувствовал, как его лицо всё сильнее горит, будто он полностью погрузился в мир их чувств. Лишь услышав громкое «Стоп!», он пришёл в себя.

— Отлично, на сегодня всё, всем отдыхать! — радостно объявил режиссёр Чжан о завершении очередного съёмочного дня. В последние дни съёмки проходили очень гладко, поэтому у всех было замечательное настроение.

— А Цин, отличная игра! Предыдущая сцена получилась невероятно трогательной и убедительной!

— Спасибо, — с улыбкой ответил Вэй Цин, принимая полотенце из рук Лянь Лин.

— Лянь тоже молодец! Сегодняшний наряд тебе безумно идёт!

Сегодня на Ляне был белый юката с цветочным узором. Под лунным светом, с развевающимися длинными волосами, он выглядел особенно пленительно.

— Спасибо, — произнёс Лянь и, сделав пару шагов, внезапно оступился.

Стоявший рядом Вэй Цин подхватил его длинной рукой, привлекая к себе в объятия, и попенял:

— Я же говорил тебе быть осторожнее!

— Я впервые надел такую обувь, мне непривычно, — на ногах у Ляня были деревянные сандалии-гэта, и почему-то в них ему было очень трудно удерживать равновесие.

Вэй Цин мгновение подумал и вдруг подхватил Ляня на руки. Не только сам Лянь, но и окружающие ахнули от неожиданности.

— Давай я донесу тебя.

— Не надо...

— Всё равно ты нетяжёлый. Если упадёшь и поранишься, это помешает съёмкам.

— А, ну да, верно...

— Кхм-кхм!! — громко покашлял Линь Юй.

— Брат Линь, у тебя горло болит? — заботливо спросила Цзи Чжиань, получив в ответ закатывание глаз.

— Я говорю про вас двоих! Вам обязательно демонстрировать свою нежность у всех на глазах?

Все дружно рассмеялись.

Лянь, смутившись как никогда, ещё глубже уткнулся головой в плечо Вэй Цина.

Вэй Цин приподнял бровь:

— Линь Юй, у тебя есть возражения?

— Нет-нет, ни в коем случае! — отмахиваясь и отступая, ответил Линь Юй. А про себя проворчал: «Этот малый чем старше, тем несноснее. Когда только пришёл, с уважением звал меня братом Линем, а теперь прямо по имени величает».

Вэй Цин нёс Ляня и уже собрался идти, но путь им кто-то преградил.

— Господин Гу, — с улыбкой поздоровался он.

Гу Цичжэ стоял посередине дороги с мрачайшим лицом, не уступая дорогу и не произнося ни слова.

Обе стороны застыли в нерешительности посреди тропы. Вэй Цин опустил взгляд на Ляня, но тот лишь качнул головой, давая понять, что не имеет к этому отношения. Вэй Цин и сам не понимал, что происходит, поэтому пришлось спросить:

— У вас что-то случилось, господин Гу?

Гу Цичжэ всё так же молчал, ещё мгновение пристально разглядывал их, а затем резко топнул ногой, ткнул в них пальцем и выкрикнул:

— Я вам не проиграю!

Сказав это, он, не обращая внимания на опешившую пару, развернулся и выбежал из бамбуковой рощи.

— Что это с ним? — озадаченно спросил шедший позади Линь Юй, который как раз застал момент, когда Гу Цичжэ с криком убежал.

Вэй Цин ничего не стал объяснять — да и сам не до конца понимал, в чём дело. Они с Лянем лишь переглянулись и улыбнулись.

— Как ни крути, а всё-таки милый малый.

— Господин Вэй Цин, с чего это ты называешь других ребёнком? Сам-то ты тоже не старик, — рассмеялся Лянь.

— Да ну что ты, старею, старею... — шутливо покачал головой тот, передразнивая стариков.

Рядом удручённо вздохнул Линь Юй:

— Вы двое что, решили надо мной, действительно пожилым человеком, поиздеваться?

Это вызвало ещё больше смеха.

Смех эхом разносился по живописной бамбуковой роще. Лянь незаметно для себя прикрыл глаза. Он прижался к плечу Вэй Цина, впитывая родной запах, который в этом горном лесу, полном свежего воздуха, казался таким особенным и умиротворяющим.